

Личность и власть.

Григорий Ефимович Распутин: судьба через призму характера (сообщение 1)¹

Ранее нами (см. «Обзорение психиатрии и медицинской психологии», 1995, № 1, с. 102–111) был проведен анализ истероидных особенностей характера Григория Ефимовича Распутина. Данное сообщение посвящено изучению влияния этих особенностей на социальную активность Распутина.

В 15 лет* Распутин вместе с несколькими друзьями начал пить и дерзко хулиганить. «Сколько раз ругали его: выталкивали в шею, как надоедливую пьянчугу, ругавшегося отборными словами» [1, с. 19]. 19 лет от роду Распутин женился. Но остепеняться не думал. На крестьянском сходе, разбиравшем дело о конокрадстве, против распутинских компаньонов были найдены улики. Конокрадов выслали в Восточную Сибирь, сам же Григорий сумел оправдаться [1].

Оставшись без товарищей, Распутин продолжал безобразничать, пока однажды в возрасте 23 лет (1892 г.) не был пойман сторожем, который ударил его «колом настолько сильно, что у него из носа и рта ручьем потекла кровь, и он, потеряв сознание, упал на землю» [13, с. 119]. Известно, что у ярких истероидов, как правило, хорошо развиты способность предчувствовать опасность, исходящую со стороны окружающих, и умение лавировать в обществе таким образом, чтобы, постоянно его эпатажуя, избегать в то же время серьезных для себя неприятностей. Не столько поняв, сколько «кожей» почувствовав, что прежняя линия поведения оказывается слишком небезопасной, Распутин моментально преобразился. Но поскольку быть «таким, как все» и ежедневно трудиться он не желал, да, в сущности, и не мог, Распутин избрал иной, психопатически искаженный путь социальной адаптации. В том же 1892 г. Григорий отправляется в монастырь, откуда приходит «иным» человеком: не пьющим, не курящим, не употребляющим мяса, сторонящимся

¹ Печатается по: Обзорение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 1995. № 4. С. 317–327.

* В настоящее время обнаружены документальные подтверждения того, что Г. Е. Распутин родился 10.01.1869 г. [12, 19].

людей, усердно молящимся и овладевающим церковнославянской грамотой [13]. Возвратился из монастыря Распутин «без шапки, с распущенными волосами, и дорогой он все время что-то пел и размахивал руками», так что сразу привлек к себе внимание всего села [13, с. 120]. Односельчане сочли, что Григорий просто хочет укрыться от следствия по делу о краже жердей или что на него «отрезвляюще» подействовал удар колом по голове [13]. Сам Распутин выдвигал более поэтические версии: его якобы заставила одуматься и покаяться благочестивая проповедь одного из церковнослужителей [1, 5]. Своей дочери Матрене Григорий говорил, что ему было в поле видение Казанской Божией Матери, после чего он и стал странствовать [20]. Однако ближе к истине, думается, находились односельчане, а также отец Распутина, Ефимий Андреевич, объяснявший происшедшее с сыном чудесное изменение ленью и желанием избежать тяжелого крестьянского труда [1].

Через некоторое время во сне Распутину является Симеон Верхотурский. «Иди, странствуй и спасай людей», — говорит он Григорию, который на следующий же день во время молотьбы «воткнул лопату в ворох зерна и, как был, пошел по святым местам» [6, с. 23]. На пути ему повстречалась чудотворная икона Абалакской Божией Матери, которая, по словам самого Распутина, заплакала живыми слезами и возопила: «Григорий! Я плачу о грехах людских; иди, странствуй, очищай людей от грехов их и снимай с них страсти» [6, с. 24]. Это напутствие еще сильнее обнадежило Распутина, и он отправился в дремучий лес на «духовную стажировку» к старцу Макарию. Здесь он долго истязал себя под руководством отшельника, «не переменял белья по полугоду» [15, с. 3], не мылся, молился что есть мочи. В конце концов Макарий осенил Распутина крестным знаменем и благословил на путешествие в Палестину.

Вернувшись из своего первого паломничества в Святую землю, Григорий стал еще богомольней, и, с точки зрения односельчан, странней. На глазах у всего народа он бился в церкви лбом об пол до крови. В своем дворе выкопал яму, которую нарек молельней, и там, подражая Господу, избравшему не царские чертоги, а «ясли убогие» [15, с. 4], молился в промежутках между обедами и заутренями.

В дальнейшем каждый год, по окончании страды, Распутин брал палку и отправлялся странничать, возвращаясь в свое село Покровское лишь к следующему лету. За десятилетие исходил всю Россию. Иногда возвращался из паломничества с 2–3 странницами. Постепенно вокруг Распутина сложился кружок почитателей и почитательниц [5, 13, 15]. Образ жизни и поведения вечно стран-

ствующего и постоянно общающегося и обновляющего знакомства «праведника-богомольца» оказался конгруэнтным основным характерологическим особенностям Григория Распутина (быть не как все). Постепенно он достиг значительных успехов на пути к реализации себя в данном качестве.

В 1903 г. в Абалакском монастыре Распутин встречается недавно овдовевшую тобольскую купчиху-миллионершу Башмакову. Утешенная «старцем» вдова решает составить тому протекцию. Башмакова везет Распутина в Казань, где знакомит с викарием епархии Хрисанфом Щетинским. Очарованный «старцем», Хрисанф пишет рекомендательное письмо на имя ректора Петербургской академии Сергия Страгородского [1, 5]. Явившись в Петербург, Распутин падает на колени перед швейцаром академии и добивается приема у ректора, несмотря на то, что Сергей пытался этому воспротивиться, будучи уже к тому времени наслышанным от архиепископа Антония Волынского о том, что Распутин в Казани «на бабе ездил» [6, с. 6].

Епископ Сергей также подпадает под обаяние «старца» и представляет его царскому духовнику Феофану, архимандриту, ставшему вскоре епископом и преемником Сергия на посту ректора академии. Феофан знакомит Распутина с будущим вождем черносотенцев, студентом Петербургской духовной академии Илиодором (С. Труфановым), который, в свою очередь, представляет Григория своему покровителю — саратовскому епископу Гермогену [6]. Так возникает православно-церковное «распутинское лобби», оказавшееся, впрочем, недолговечным.

Церковники во главе с Феофаном ввели экстравагантного «старца» из провинции в аристократические салоны Петербурга, проявлявшие в ту пору повышенный интерес, с одной стороны, к национально-русским, а с другой — к мистико-религиозным проблемам. В начале 1905 г. по инициативе Феофана Распутин знакомится с Милицей и Анастасией (Станой), дочерьми черногорского князя Николая Негоша и женами великих князей Петра и Николая Николаевичей, приходившихся дядями Николаю Второму [6]. На обеих сестер Распутин произвел неотразимое впечатление, вследствие чего Милица Николаевна свела Распутина с любимой фрейлиной Александры Федоровны Анной Вырубовой [14].

«Приобретя в лице Вырубовой послушную исполнительницу своих желаний и деятельную помощницу в деле укрепления своего влияния и значения во дворце, — отмечает Белецкий [18, с. 505], — Распутин дерзко перешагнул черту заповедную... и из Гришки превратился в отца Григория для своих почитательниц и во всемогущего Григория

Ефимовича для лиц, прибегавших к его заступничеству, влиятельной поддержке, помощи или посредничеству».

В салонах тем временем слава Григория стремительно росла. Он стал экзотическим «десертом», которым «угощали» в шикарных гостиных. Даже такой далекий от мистицизма человек, как Столыпин, после взрыва 12 августа 1906 г. счел полезным пригласить «старца» к постели тяжело раненной дочери, чтобы тот помолился за нее [2].

Последний рывок наверх был осуществлен в конце 1905 г., вскоре после всероссийской октябрьской стачки и опубликования «конституционного» Манифеста 17 октября. Феофан и сестры-черногорки настойчиво рекомендовали Распутина царям [11]. Поначалу Николай и Александра колебались, но 1 ноября в царском дневнике появилась запись: «Пили чай с Милицей и Станой. Познакомились с человеком Божиим — Григорием из Тобольской деревни» [4, с. 287].

Попав в число прорицателей и «божиих людей» (их у последней русской императрицы всегда было несколько), Григорий поначалу не выделялся среди прочих. Качественный скачок в отношении Николая II к «старцу» происходит летом 1906 г. К этому времени (18 июля 1906 г.) личность Распутина становится для императора настолько эмоционально значимой, что удостоивается особого упоминания в более чем краткой дневниковой записи, причем какие-либо пояснения к имени «Григорий» на сей раз отсутствуют. Наиболее вероятной представляется следующая версия укрепления распутинского влияния на царя именно в этот отрезок времени.

Феофан рассказывал Илиодору, как в 1906 г. на одном из семейных чаепитий зашел разговор о политическом положении в России. «Старец Григорий вдруг как выскочит из-за стола, как стукнет кулаком по столу. И смотрит прямо на царя... “Ну что? Где екнуло? Здеся али туто?” — при этом он сначала показал пальцем себе на лоб, а потом на сердце: “Здесь, сердце забилося!”. “То-то же, — продолжал старец, — коли будешь делать для России, спрашивайся не ума, а сердца. Сердце-то вернее ума” ... Государь сказал: «Хорошо», а государыня поцеловала его руку, произнесла: “Спасибо, спасибо, учитель”» [6, с. 7].

В 1906 г. наиболее трудным и непредсказуемым по своим последствиям политическим решением, ответственность за которое должен был возложить на себя Николай II, явился Указ о роспуске 1-й Государственной Думы. Указ был подписан 7 июля. Дума распущена 9-го. Роспуск прошел сравнительно спокойно. Логично предположить, что нерешительный и мистически настроенный Николай, готовясь принять столь ответственное решение, не ограничивался доводами разума, которые ему приводили Столыпин и другие высшие

сановники, а пытался опереться на мнение «божиих людей» из народа, тем более что именно «гневом народа» угрожала правительству оппозиционно настроенная Государственная Дума. Судя по всему, совет Григория, укрепивший Николая в решимости отринуть сомнения и взять ответственность на себя, а также сравнительно благополучный исход дела резко повысили авторитетность Распутина в глазах самодержца и сформировали эмоциональное и доверительное отношение к нему.

Завоевание сердца императрицы происходило по иному, не связанному с политикой, сценарию, в котором главным действующим лицом являлась Анна Вырубова, активно приучавшая Александру Федоровну к мысли о чудодейственных способностях Григория [5]. Позже, в конце 1907 г., Распутину удалось при помощи одной лишь молитвы остановить внутреннее кровотечение у наследника, страдавшего гемофилией [2, 18], что явилось более веским и надежным эмоциональным аргументом в пользу исключительности и незаменимости придворного «старца».

Начиная с 1908 г. Распутин стал регулярно появляться в царской семье, и именно с этого момента над его головой начинают сгущаться первые петербургские тучи. В тех самых крайне правых салонах, где еще недавно его принимали с распростертыми объятиями, вдруг возникают слухи о том, что Распутин у себя в Покровском «творит грех» вместе с приезжающими к нему из Петербурга барышнями, а также о его коллективных помывках в бане, где Григорий и его «сестры» «поют духовные песни и пляшут» [1, 4]. Само собой напрашивалось обвинение Распутина в «хлыстовской ереси» (проведенное в связи с этим расследование, правда, ни к чему не привело) [14].

Думается, решающим в изменении отношения крайне правых к Распутину явилось то, что, оказавшись одной из самых влиятельных придворных фигур, Распутин занял ту вакансию, на которую претендовали высокопоставленные черносотенцы. Использовать же самого Распутина в политических целях оказалось невозможно: поначалу одобрявший с подачи своих покровителей деятельность Союза русского народа, не терпевший ничьей опеки Распутин быстро «деполитизировался» и по поводу лидеров черносотенных союзов неизменно повторял: «Не люблю их... Худо они творят... Худо это — кровь» [1, с. 116].

С трудом отбившись от нападков со стороны организованных Феофаном «третейских судов» [16], Распутин решил удалиться из Петербурга, отправившись в турне по городам Поволжья, где Григория с нетерпением ждали епископ Гермоген и иеромонах Илиодор. Дружба

с Илиодором в этот период была тем прочнее, что именно благодаря заступничеству Распутина, мятежный иеромонах не был переведен из Царицына в Минск, куда его хотел отправить Столыпин, раздраженный экстремистской агитацией Илиодора [1, 6]. В Петербург Распутин вернулся лишь в конце 1910 г.

Недоброжелатели тем временем решили действовать активнее. Феофан вместе с иеромонахом Вениамином — таким же, как и сам Феофан, аскетом-девственником, — организовали антираспутинскую компанию, к которой подключился председатель Государственной Думы октябрист А. И. Гучков [1]. В периодической печати была опубликована серия статей [16], изобличающих Распутина, причем либералы к уже обычным обвинениям в хлыстовстве присоединили упоминания о связях Распутина с черносотенными церковниками и некими таинственными «высокопоставленными лицами». Можно считать, что именно с этого времени Распутин начинает превращаться из реального человека в злоеущий миф.

На защиту Григория выступил лишь лично обязанный ему Илиодор, в то время как даже Гермоген стал высказываться двусмысленно [!]. Спасать Распутина пришлось лично самодержцу. В ноябре 1910 г. епископ Феофан, бывший до того духовником царицы, стал епископом Таврическим и Симферопольским и навсегда прекратил играть политическую роль. Однако в дело вмешался Столыпин. Вызвав по настоянию Николая Распутина к себе, Столыпин, вопреки царским ожиданиям, «прикрикнул на него и сказал ему прямо, что на основании документальных данных» Григорий у него в руках, и он может «раздавить его в прах, предав суду по всей строгости закона о сектантах», ввиду чего Распутину было предложено «немедленно, безотлагательно и притом добровольно покинуть Петербург и вернуться в свое село — и больше сюда не появляться» [17, с. 29]. Когда Столыпин доложил обо всем Николаю, тот «не обмолвился ни одним словом и попросил перейти к делам очередного доклада» [8, с. 162]. Это означало крайнюю степень бессилия и недовольства одновременно.

Почувствовав, что ситуация близка к критической, Распутин в очередной раз решил удалиться на время из Петербурга. Вооружившись посохом, «старец» отправился в Иерусалим. В глазах царской четы жест получился эффектным: только святая душа могла так ответить на оскорбления злых людей! После возвращения Григория из Палестины Николай записывает 4 июня 1911 г.: «После обеда имели радость видеть Григория» [2, с. 347]. Вскоре после этого царица привозит Распутина в Киев на торжества по поводу открытия памятника Александру II, во время которых Столыпин гибнет от пули террориста.

После смерти Столыпина вес и влияние Распутина возросли. В начале ноября 1911 г. он после настойчивых просьб царицы, обеспокоенной здоровьем Алексея, вернулся в Петербург. Одновременно Григорий дерзнул добиться от царя неслыханной милости: назначения тобольским епископом одного из своих друзей безграмотного, «непристойного, гнусного» отца Варнавы [11, с. 14]. Помимо этого, стало известно, что обер-прокурор Синода В. К. Саблер получил приказание пожаловать Распутину сан иерея (стоит напомнить, что все усилия Илиодора по подготовке Григория к священническому сану незадолго до этого потерпели фиаско из-за неспособности Распутина к усвоению систематических знаний). По Петербургу циркулировал слух о том, что Саблер в благодарность за то, что Распутин «поставил его в оберы», поклонился «старцу» в ноги [7, с. 28].

Такого надругательства над церковью и собой лично ни Гермоген, ни Илиодор выдержать не могли. Распутин открыто встал над ними, и за это монахи решили проучить зарвавшегося безграмотного выскочку. В декабре 1911 г. Гермоген вызвал Распутина к себе на Ярославское подворье в Петербурге, где в присутствии Илиодора и других лиц разыгралась совершенно неприличная история [1, 5–7, 17].

Сперва косноязычный, сухорукий и хромой Митя Козельский (предшественник Распутина в сонме «божиих людей», окружавших царскую семью), набросился на Распутина с обвинениями и потащил его к иконе, где ухватил за половой орган и попытался оскопить, а затем принялся плевать Григорию в лицо. Затем Илиодор и Гермоген принялись осуждать Григория за богопротивное поведение, говоря, что он губит государя и его семью, позволяя газетам втаптывать в грязь священное царское имя. При этом Гермоген — колосс, в прошлом офицер, исключенный в числе двадцати гвардейцев из армии за гомосексуализм и впоследствии якобы оскопивший себя [10], — нанес Распутину несколько мощных ударов наперсным крестом по голове. В план заговорщиков входило взять с Распутина клятву о том, что он уедет к себе в Покровское, и запереть его в угловой комнате подворья, куда Гермоген не возвратится от царя, которого он должен был убедить в необходимости «развязаться» со «старцем». Одновременно с этим предполагалось послать «хороших людей» в Покровское, чтобы они дотла сожгли дом Распутина вместе со всеми находившимися в нем вещами, дабы стереть всякую память о том, что Григорий некогда общался с царями. Григорий, первоначально дрожавший от страха и вытянувшийся в струнку, почувствовав, что враги его тоже нервничают и излишне горячатся, перешел в контратаку, стал браниться и даже бросился на Гермогена. Тогда Распутина стали

душить, но тут в дело вмешался юродивый Митя Козельский, бестолковая суетливость которого помогла Григорию вырваться. Убегая, он успел обложить владыку Гермогена площадными ругательствами и, выскочив на улицу, тут же принялся жаловаться прохожим, что его хотели кастрировать.

И вновь, как и в случае с Феофаном, Распутина в первую очередь заботит не стремление отомстить обидчику, а страх потерять царское расположение. Он льстиво просит Илиодора: «Голубчик, дружок!.. Окажи мне милость. Помири с Гермогеном» [6, с. 139].

Лишь после того, как возмущенный тем, что на Распутина «напали, как нападают разбойники в лесу, заманивши свою жертву в западню» [7, с. 25], государь отказал Гермогену в аудиенции. Григорий успокоился и встретил пришедшего к нему Илиодора «с наглою, злою улыбкою и словами на своих безобразно-чувственных губах: “Ну что, Гермогешка, достукался? Нарвался!”» [16, с. 141].

Данная особенность поведения: с одной стороны, равнодушие к проблеме «отмщения обидчику», а с другой — крайняя заинтересованность в сохранении социально престижного статуса, — на наш взгляд, хорошо подтверждает некорректность определения характера Г. Е. Распутина как «эпилептоидного» и, напротив, вполне вписывается в структуру истероидных характерологических черт.

На фоне грандиозного скандала, связанного с именами Гермогена и Илиодора, а также появившейся в это время публикации писем (украденных Илиодором) к Распутину царской супруги и дочерей, приват-доцент Московской духовной академии М. И. Новоселов выпускает в свет брошюру «Распутин и мистическое распутство», в которой недвусмысленно намекает на причастность царя и царицы к хлыстовству. Гучков, ставший признанным вождем «партии антираспутинцев», напечатал в октябристском официозе «Голос Москвы» от 24 января 1912 г. письмо М. Н. Новоселова, в котором тот риторически возмущался: «Доколе, Святой Синод, перед лицом которого уже несколько лет разыгрывается этим проходимцем преступная комедия, будет безмолвствовать и бездействовать?» [3]. Министр внутренних дел А. А. Макаров предпринял попытку слегка надавить на прессу, в ответ на что Гучков внес на обсуждение Думы запрос министру внутренних дел «о запрещении писать о Распутине». Вопрос о Григории Ефимовиче, таким образом, официально стал «государственным». Так неожиданно для самого Распутина начался его конфликт с Думой.

Все шло к тому, что Распутина придется удалить из столицы. А. А. Макаров и премьер-министр В. Н. Коковцов несколько раз

пытались заговорить с царем на распутинскую тему, но всякий раз получали ответ, что «нужно хорошенько обдумать эту отвратительную сплетню», «нужно действительно пресечь эту гадость в корне», но «мы поговорим подробно при Вашем следующем докладе», «я приму к этому решительные меры», «я Вам скажу об этом впоследствии», «а пока — не будем больше об этом говорить. Мне все это до крайности неприятно», «но я все-таки не понимаю, каким образом нет возможности положить конец всей этой грязи» [7, с. 29].

Гучков тем временем продолжал «бить в набат», пользуясь свободой слова депутата Государственной Думы. 9 марта 1912 г. при обсуждении одной из бюджетных смет он назвал Распутина «изувером-сектантом», «творящим свое темное дело», «проходимцем-плутом», обдeldывающим свои «темные делишки», личностью, за которой скрывается «целая банда» «ненасытных честолюбцев» [1, с. 154].

Несправедливость происходящего не могла не казаться Распутину, истероиду с патологически сниженной самокритикой и гипертрофированным стремлением к самовозвеличиванию, вопиющей, а потому абсолютно нетерпимой. Он — «бесстрастный старец», а его уличают в прелюбодеянии (да еще с кем — с царицей!), он — спаситель наследника, а его обвиняют в том, что он губит династию! Чувствуя, однако, что ситуация становится слишком взрывоопасной, Распутин решает в мае 1912 г. добровольно покинуть Петербург и уехать в Покровское.

Прощаясь с царем и царицей, Распутин не преминул сделать так, чтобы его отъезд не воспринимался Николаем и Александрой как «долгожданное облегчение»: «Я знаю, что злые люди подкапываются под меня. Не слушайте их. Если вы меня покинете, вы потеряете в течение шести месяцев вашего сына и вашу корону». Царица немедленно воскликнула: «Как можем мы тебя покинуть? Разве ты не единственный наш покровитель, наш лучший друг?» и, преклонив колени, попросила Григория о благословении [11, с. 17].

Таким образом, следует отметить, что на протяжении 1906–1912 гг. Григорию Распутину удавалось балансировать «на грани», с одной стороны, пользуясь теми возможностями по «предъявлению себя», которые давал ему статус царского фаворита, а с другой — умея в критической ситуации добровольно «стушеваться» и таким образом отвести от себя угрозу со стороны становящихся все более многочисленными «врагов».

В октябре 1912 г. Распутин, наперекор докторам, предсказывает в телеграмме улучшение здоровья наследника, находящегося при смерти [11]. После этого Григорий решается приехать в Петербург,

но при Дворе некоторое время не показывается и вообще стремится не «мозолить глаза» окружающим. Либералы к тому времени о Распутине слегка подзабыли. Однако в очередной раз о нем решили вспомнить крайне правые.

Хозяин известного правомонархического салона, публицист и критик Исаакиевского собора генерал Богданович попросил завсегда «антираспутинского кружка» директора департамента полиции Белецкого поручить своему агенту и одновременно журналисту И. Ф. Манасевичу-Мануйлову опубликовать обличающие Распутина материалы. Манасевич-Мануйлов спровоцировал Григория на откровенный разговор (сделать это было несложно), не предупреждая, однако, о намерении предать его содержание гласности. «Распутин был страшно на меня обозлен», — вспоминал позднее Манасевич-Мануйлов [18, с. 310]. «Я те все говорил для души, а у ты вышло все для гумаги», — сокрушался Григорий [9, с. 205]. Впрочем, и на этот раз реакция Распутина не носила никаких следов озлобления или стремления отомстить «обидчику»: довольно скоро отношения Распутина и Манасевича-Мануйлова приняли почти дружеский характер, и хитроумный и льстивый журналист стал одним из деятельных сотрудников «старца» [9]. Тем временем опубликованные Манасевичем-Мануйловым интервью были перепечатаны английскими и французскими газетами, в связи с чем скандальная слава Распутина стала мировой.

Рассмотренный длинник жизни Г. Е. Распутина позволяет выделить следующие этапы его личностной самореализации.

1-й этап (1869–1892 гг.) — формирование истероидной психопатической личности, яркие особенности которой проявились начиная с переходного возраста, протекавшего с явлениями искаженного пубертатного криза и тенденцией к социальной дезадаптации.

2-й этап (1892–1904 гг.) — избрание молодым человеком роли получающего других «старца» с совершенствованием «профессиональных навыков» в рамках избранного амплуа: относительно успешная адаптация в искусственно избранных сферах деятельности (связанных с реализацией себя в новом качестве) при недостаточной — в традиционных областях социального функционирования.

3-й этап (1905–1912 гг.) — карьерное продвижение при относительно устойчивой социальной адаптации, обусловленное особо благоприятной для этого социальной конъюнктурой.

Таким образом, пример Распутина позволяет обратить внимание на тот факт, что психопатическая личность на определенном жизненном отрезке и при особо благоприятных социальных условиях

способна находить свою «экологическую нишу» или даже добиваться значительных карьерных успехов. Важно, однако, отметить следующее: для этого необходим социальный спрос на «деструкцию» (одобрение искусственных форм «псевдодеятельности» в рамках суеверных или иных мистических ожиданий толпы), что возникает в ситуации глобального социального кризиса.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Амальрик А.* Распутин. Документальная повесть. *Юсупов Ф.* Конец Распутина. М., 1992.
2. *Боханов А. Н., Захарова Л. Г., Мироненко С. В.* и др. Российские самодержцы (1801–1917). М., 1993.
3. Голос Москвы. № 19 от 24 января 1912 г.
4. Дневники императора Николая II. М., 1991.
5. *Евреинов Н. Н.* Тайна Распутина. Л., 1924.
6. *Илиодор (Сергей Труфанов).* «Святой чёрт» (Записки о Распутине). М., 1917.
7. *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 2. М., 1992.
8. *Курлов П. Г.* Гибель императорской России. М., 1992.
9. Красный архив. Исторический журнал. Допрос И. Манасевича-Мануйлова. М., 1936. № 4. С. 205–208.
10. *Обнинский В. П.* Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II. М., 1992.
11. *Палеолог М.* Распутин. Воспоминания / Пер. с франц. М., 1923.
12. *Платонов О.* Правда о Григории Распутине. Саратов, 1993.
13. Последний временщик последнего царя (Материалы Чрезвычайной следственной комиссии временного правительства о Распутине и разложении самодержавия) // Вопросы истории. 1964. № 10. С. 117–135.
14. Последний временщик последнего царя (Материалы Чрезвычайной следственной комиссии временного правительства о Распутине и разложении самодержавия) // Вопросы истории. 1964. № 12. С. 90–103.
15. *Распутин Г. Е.* Житие опытного странника (май 1907 г.).
16. Речь. 1910, 20 мая, 25 мая, 26 мая, 30 мая, 7 июня, 17 июня.
17. *Родзянко М. В.* Крушение империи. Харьков, 1990.
18. Святой чёрт. Тайна Григория Распутина: Воспоминания. Документы. Материалы следственной комиссии. М., 1991.
19. *Чернышев А. В.* О возрасте Григория Распутина и других биографических деталях // Отечественный архив. 1992. № 1. С. 112–114.
20. *Rasputin: The Man behind the Myth. A personal Memoir by Maria Rasputin & Patte Barham.* W. H. Allen // London, 1977.